

Под этой скромной надписью в могиле  
Спит вечным сном покойный Джексон Вилли.  
Признаться, Джоном назывался он,  
Но не рифмуется с «могилой» имя Джон.

*Неизвестный английский автор  
(перевод С.Я. Маршака)*

В конце концов она чуть не попала под машину.

— Бабка, смотри, куда прешь, если не хочешь в ящик сыграть! — обидно закричал выскочивший из машины водитель. Даже шагу не сделал, чтобы посмотреть, что там с ней такое.

Ничего такого с ней не было. Сегодня на ее глазах погиб человек, и она подозревала, что его убили, только и всего.

— Ну! Чего сидишь, вставай! Ты можешь или не можешь, бабка?!

И опять ни шагу к ней.

Кое-как она перевалилась на колени, отползла к обочине и поднялась, держась двумя руками за гору плотного грязного снега. Вся улица смотрела, как она ковыряется, как пытается отряхнуть пальто, как растерянно озирается по сторонам в поисках сумки, которая отлетела неизвестно куда.

Сумки не было.

— Ну чего? Идти-то можешь?

Коленка сильно болела, наверное, Варвара ударилась об асфальт, когда падала. Она нагнулась и попыталась рассмотреть, что там с коленкой, но ничего не увидела.

Господи, а сумка-то!

Неистово сигналили машины — прогоняли ту, которая наехала на Варвару. Она стояла посреди улицы, загораживала проезд. Любознательный и сердобольный водитель, так вежливо выяснявший, все ли

с ней в порядке, захлопнул дверь и тронул машину с места.

Варвара из-под съехавшего платка проводила его испепеляющим взглядом.

Наплевать ему на твои взгляды, дорогая. Еще очень повезло, что он тебя, во-первых, до смерти не убил, а во-вторых, по физиономии не дал за то, что представляла угрозу для его драгоценной машины, да еще заставила остановиться, терять время, вопросы тебе задавать!..

Да где же сумка?!

Варвара переступила ногами, словно пробуя их на прочность, и тут проклятая машина опять оказалась прямо перед ее носом. Она даже отшатнулась немного, уверенная, что теперь-то ее непременно задавят.

Распахнулась задняя дверь.

— Бабушка, — душевно сказали из салона, — давайте я вас подвезу куда-нибудь. Или, может быть, в больницу?

— Спасибо, не надо, — пробормотала Варвара, усердно отряхивая пальто.

— Давайте все-таки.

— Я же сказала, не надо, — повторила она с нажимом. — Со мной все в порядке.

Тут она увидела свою сумку — далеко, под самой стеной дома — и радостно заковыляла к ней, как будто сумка могла оградить и спасти ее от всех сегодняшних неприятностей.

Сейчас она поднимет ее и пойдет себе потихоньку домой, закроет за собой дверь, влезет в ванну и будет сидеть в горячей воде столько, сколько захочет, и день кончится наконец.

Сумка была пуста. Это было так неожиданно и так ужасно, что Варвара, не поверив себе, перевернула ее и потрясла, ожидая, что на тротуар из непривычно худого сумкиного нутра сейчас вывалятся паспорт, кошелек, очки, пухлый романчик, записная книжка

школьных времен с шикарным тиснением — серп и молот — на обложке.

«Дима К.» было почему-то записано там. «Дима К.», «Катя Б.» — и телефон. Почему Б. и К.? Почему не фамилия?

Варвара заглянула в сумку и в свете фонаря увидела только сиротскую подкладку, и больше ничего.

— Что, бабка? — насмешливо спросил у нее над ухом давешний вежливый и аккуратный водитель. — Всю пенсию сперли? Надо было смотреть за пенсией-то!

— Надо под колеса смотреть, если за руль сел, — сказала Варвара, не поворачиваясь. Слезы были уже близко, и она часто глотала, чтобы отогнать их. — На дорогу надо смотреть, а не ворон считать и на девочек пялиться!

— Ух ты!.. — восхитился голос. — Во дает бабка!.. Меня ж еще и кроет!..

— Витя, угомонись.

За ее спиной произошло неясное движение — она загоняла слезы в горло, заглядывала внутрь своей сумки и не оборачивалась, — и кто-то крепко взял ее за локоть.

— Пойдемте.

— Никуда я не пойду!

— Пойдемте. Я довезу вас до дома. У вас же ничего нет — ни денег, ни документов.

При упоминании о деньгах и документах Варваре стало совсем худо. Господи, за что ей такое наказание?! Чем заслужила, чем не угодила?

«Не поминай Господа всуе, — сердито говорила бабушка Настя. Она всегда была в белом платке в мелкую крапушку, с темным и строгим лицом. Варвара ее боялась. — Господь — не соседская коза, его ни за что ни про что не зовут, только уж если очень надо или дело какое важное!..»

— Да не упирайтесь вы! — с досадой сказали сзади. — Садитесь, что вы, на самом деле!..

Варвара, подталкиваемая в спину, неловко пролезла в шикарный салон, освещенный теплым светом, и тут обнаружилось, что колготки — ясное дело! — порвались и на обеих коленках зияют ровные круглые дыры, похожие на озера. Грязная белая кожа казалась особенно неприличной в приглушенном салонном свете, и Варвара поспешно прикрыла колени полами пальто.

«Доберусь до дома и утоплюсь в ванне», — решила она.

Одна за другой хлопнули дверцы, и автомобиль поехал.

— Вам куда, бабушка?

— Мне на улицу Тухачевского, — выговорила Варвара.

Полы пальто терли содранную кожу, колени саднило, и было ужасно жалко денег, почти пятьсот рублей. Конечно, с голоду она не умрет, но когда твои деньги крадут на улице какие-то подонки, пока ты ковыряешься в снегу под колесами автомобиля, — очень обидно. Лучше бы в метро вытащили, ей-богу!..

— Что ж вы по сторонам не смотрите, когда улицу переходите? Внимательнее надо быть, особенно по вечерам.

— Да я-то смотрю, — сказала Варвара злым голосом, — это шофер ваш неизвестно куда смотрит! Я на зеленый переходила, по переходу!

— Да зеленый мигал уже!.. — взвился на переднем сиденье водитель, уверенный, что обвиняют его облыжно. — Бабка сама виновата, а теперь пытается наводить тень на плетень, и скорости у меня никакой не было, я тронулся, когда красный уже переключился!..

— Ничего не знаю ни про какой красный, — с ходу приняла подачу Варвара, — только переходила я по переходу и на зеленый, а вы ехали черт знает как! Да за мной еще целая толпа шла, вы же видели!

— Потому что одни козлы кругом! Когда свет ми-

гает, переходить нельзя. Нель-зя! А вы претесь, как стадо баранов! Ей-богу, пешеходы в Москве!..

— Витя!

Водитель посмотрел в зеркало заднего вида, еще немного пошевелил губами, как будто не смог сразу замолчать, и буркнул:

— Извините, Иван Александрович.

Иван Александрович, на которого Варвара даже ни разу не взглянула как следует, немного подвинулся в ее сторону и предложил довольно участливо:

— Может быть, все-таки заедем в медпункт? Что там у вас... в смысле травм?

«Боится, что я права и его водитель попер на красный, — решила Варвара. — Сам-то он, конечно, на дорогу не смотрел и не знает, кому верить, то ли мне, то ли водителю. Поверит, несомненно, водителю, но меня хочет задобрить, чтобы я не верещала и не создавала ему проблем. Впрочем, какая из меня проблема!..»

— Все в порядке, — сказала она, — кожа содрана, и колготки порвались. В медпункте колготки все равно не выдают, а йод у меня есть дома.

И тут наконец она на него посмотрела.

Он был коротко стриженный, темноволосый, не толстый, но очень плотный. Большие руки, крепкая шея в тисках галстука. Глаза казались обведенными черным из-за очень густых и темных ресниц.

Он тоже некоторое время внимательно смотрел на нее. Цвет его глаз Варвара разобрать не смогла.

— Извините, — буркнул он, отвернувшись, — я думал, что вы бабушка.

— Я не бабушка, — зачем-то объяснила Варвара, — но, возможно, через некоторое время ею стану.

Водитель таращился на нее в зеркало заднего вида и, видимо, не верил себе. Внезапное омоложение Варвары его озадачило.

— Я-то думал, — вдруг сказал он, — платок, сумка, пальто... Бабка и бабка...

— Витя!  
— Извините, Иван Александрович...  
— Тем более непростительно, — раздраженно продолжил Иван Александрович, — видеть вы должны хорошо, ноги у вас в порядке, что ж вас понесло на проезжую часть!

— Меня не понесло. Я переходила улицу...

— Да, я слышал. На зеленый. Все равно нужно по сторонам смотреть, если не хотите, чтобы вас убили!

— Это вы своему водителю скажите! Я-то не хочу, чтобы убили, а он зачем людей давит?! Вместе со мной целая толпа переходила!

— Но под колесами почему-то именно вы оказались! Толпа благополучно перешла, а вы очутились под колесами!

— Потому что он меня стукнул своей машиной, и я упала! И сумка отлетела, и из нее все украли!..

— Да, — вдруг спокойно произнес Иван Александрович, как будто не он только что разорялся, — это плохо. Сумку жалко. Что в ней было? Деньги? Документы?

— И деньги, и документы, и все на свете!

— Много денег?

— Много, — огрызнулась Варвара, — пятьсот рублей.

И тут так жалко ей стало этих пятисот рублей, и себя, и свой паспорт — фотография там была удачная, ей очень нравилась, — и даже книжку, которую она только-только начала читать и не успела еще толком понять, что за кровавое убийство затевают злые люди, что она заревела и, обхватив ладонями щеки, сунулась лицом в колени.

— Да что ты реवेशь?! Чего теперь реветь, когда...

— Витя!

Ревела она почти до самого дома, только на перекрестке Иван Александрович, будь он неладен, спросил у нее, куда повернуть. Варвара показала рукой. В довершение всех унижений, когда машина остано-

вилась, он стал совать ей деньги, повторяя, что готов «возместить», а Варвара отталкивала его руку, всхлипывала и утиралась платком.

Ужасно.

В конце концов ей удалось выбраться на волю, и она побрела по расчищенной дорожке к подъезду, и опять чуть не упала, наступив на присыпанную сегодняшним снежком ледяную полоску, и замахала руками, пытаясь обрести равновесие, и пустая сумка крутилась вокруг нее, а машина все не уезжала, и Варвара точно знала, что Иван Александрович и его водитель наблюдают за ней оттуда.

Диагноз неутешительный, как говорил ее дед, военный врач.

В лифте стояли неаппетитные лужи, а в тамбуре пахло собаками — соседи держали в двухкомнатной квартире трех огромных кавказских овчарок. Сосед хвастался, что дверь они могут вообще никогда не запираться. Варвара была в этом уверена — не запираться не столько из-за свирепости собак, сколько из-за духа от них. Любой, сделавший попытку кражи, непременно должен был упасть замертво.

Сосед, выстроивший всю свою собачью семью для вывода на прогулку, долго ахал над причудливым Варвариним видом, клял «новых русских» и их машины, прикрикивал на «ребят», задравших к Варваре пудовые морды. Она стояла, прижавшись к стене и обняв пустотелую сумку — «ребята» занимали все свободное пространство в тесном тамбуре, да еще сосед между ними пролезал, суетился, изнывал от любопытства, смешанного с сочувствием. Когда наконец все выкатились на площадку и Варвара смогла открыть дверь в свою квартиру и зажечь свет в прихожей, крохотной, как платяной шкаф из гарнитура «Хельга», оказалось, что пальто спереди не только мокрое и грязное, но и ворсистое от плотно покрывающей его собачьей шерсти.

— Да что же это такое!.. — выкрикнула Варвара с

тоской, обращаясь почему-то к своей сумке, которую она держала за ремешок и потрясла ею у себя перед носом. — Что же это такое, а?!

Сумка не дала никакого внятного ответа, и Варвара швырнула ее под зеркало. Потоптавшись на предусмотрительно постеленной при входе газетке — разуваться следовало на газетке, чтобы не наследить на чистом полу, — она стянула сапоги и пристроила пальто на вешалку.

В чем она завтра пойдет на работу?! В курточке?!

Можно, конечно, попробовать высушить пальто феном, а потом пропылесосить. Шерсть счищает не впервой, она часто сталкивалась с соседом, когда тот шел с «семьей» гулять, и после таких встреч пальто всегда нужно было пылесосить.

Как ее занесло под эту машину?! Правда, повезло, что так легко отделалась, да еще до дома доехала с комфортом. Могли ведь и поколотить, если бы попались не такие культурные и вежливые.

Шмыгая носом, Варвара поставила на плиту чайник и переделалась в махровый халат. Когда-то халат был голубым, в звездах и облаках, которые постепенно исчезли, образовав общий серо-голубой цвет. Это был любимый халат, средство утешения, а вовсе не одежда, в нем было тепло и мягко, и Варвару не смущало даже, что она выглядит в нем, как Фаина Раневская в кинофильме «Весна». Просто она старалась не смотреть на себя в зеркало.

Все-таки в зеркало пришлось посмотреть.

Ничего особенного, по крайней мере на лице ее сегодняшнее ДТП никак не отразилось — не было ни ссадин, ни царапин, все в порядке. Только глаза красные от того, что ревела. Нужно будет положить на них по куску капусты. Бабушка Настя всегда говорила, что «капустный лист красноту разгоняет».

Хотя какое это имеет значение! Можно подумать, что на работе кто-нибудь заметит ее красные глаза!

В любимом халате она выглядела толстой и блед-

ной — зря все-таки смотрелась в зеркало! Теперь весь вечер станет думать, отчего она такая толстая. Вроде и ест немного, и на работе все время, а там есть некогда, и сахара в чай кладет всего одну ложку, а Вика Горина по три, и все равно стройная, легкая, быстроногая...

Почему жизнь так несправедлива?

На ужин была курица с рисом, и, расстроенная оттого, что такая толстая, Варвара съела все до крошечки, хоть и обещала себе, что все есть не станет, а половину оставит на завтра. Теперь, когда пятьсот рублей придется вычеркнуть из бюджета, такая экономность была бы весьма актуальной.

Усевшись в комнате с большой кружкой чаю — сахара всего одна ложка! — она стала думать.

Сегодня у них в офисе произошло несчастье.

Посетитель, незаметного вида молодой человек с портфелем, приходил уже в третий раз. Шеф неизменно принимал его, когда бы он ни появился, и Варваре это казалось странным.

Шеф не принимал никого, не помурывив известное время в приемной. Такой у него был стиль работы. Очевидно, он считал, что принимать посетителей в назначенное время — дурной тон, который не к лицу большим начальникам. Шеф считал себя большим начальником, и в приемной у него собирались очереди, как к утренней бочке с молоком в советские времена. Однако этот молодой человек проходил в кабинет сразу, едва Варвара о нем докладывала.

У него была странная фамилия. Лиго Петр Борисович, вот как его звали.

Сегодня он опять пришел и опять был приглашен в кабинет, как только Варвара произнесла в селектор его фамилию. Минут через десять шеф вызвал Варвару и неприятным голосом попросил кофе. С Варварой он всегда разговаривал неприятным голосом. Не потому, что на самом деле был ею недоволен, а потому,

что быть недовольным секретаршей тоже считал хорошим тоном.

Варвара принесла кофе.

Петр Борисович Лиго сидел на диване, и у него было напряженное лицо. Руки стиснуты на одном колене. Он старался приветливо улыбаться Варваре и делал это как-то на редкость неубедительно. Наоборот, она даже посмотрела повнимательнее, что это с человеком, почему он корчится. Вскоре Петр Борисович неожиданно выглянул в приемную и попросил у Варвары пепельницу. Изумленная Варвара вскочила с места, пронеслась к «хозяйственному отсеку» — ниша в стене, загороженная решетчатой ширмочкой, — и отыскала пепельницу. Пепельница была чистая, но мокрая, и, рассыпав от усердия и спешки кучу салфеток, Варвара яростно протерла ее до скрипучей сухости и подала постно ожидавшемуся Петру Борисовичу.

Потом еще раз вошла — начальник приказал забрать грязные чашки и подать чистые вместе со свежим кофе. На часы она не смотрела, но со времени первой подачи кофе прошло, наверное, с полчаса.

Петр Борисович Лиго пересел в кресло у окна, довольно далеко от кофейного столика. Лица его Варвара не видела, но он что-то говорил, довольно громко. Она не стала вслушиваться. Минут через десять шефу позвонила Лина Ахметова из юридической дирекции, и он ушел туда, буркнув по дороге, что Петр Борисович что-то печатает на компьютере, а ему срочно нужно к юристам. В компании так было принято — к юристам все ходят сами и по первому зову. Только председателю, кажется, юридические документы приносили в кабинет. Варвара слегка удивилась, что посетителя внезапно потянуло к работе на компьютере, но ничего выяснять она, естественно, не стала.

Дверь была прикрыта неплотно, и несколько раз она слышала шум, как будто Петр Борисович прохаживался по кабинету. Шеф не возвращался. Потом загрохотало так, что Варвара перепугалась. Ей показа-

лось, что Петр Борисович перевернул на себя книжный шкаф.

— Что он там может делать? — спросила она у Люды Галкиной из рекламного отдела, забежавшей покурить.

— Не знаю, — быстро ответила Людка, — надо посмотреть. Зайди!

Варвара зашла.

Петр Борисович Лиго лежал на полу, прижимаясь желтым виском к коврику. Рядом на полу валялись монитор и клавиатура.

Сам Петр Борисович был абсолютно, непоправимо мертв. Варвара поняла это с первого взгляда, и в обморок не бухнулась, и не стала совершать никаких бессмысленных киношных действий — трясти его, поливать водой, дрожащей рукой совать валидол, сначала себе, а потом труп или наоборот.

— Люда, — вместо всего этого сказала Варвара, сидя на корточках, — по-моему, он помер.

Людка ахнула, попятилась и немедленно схватила себя за свитерное горло.

— Я вызову «Скорую», — продолжила Варвара быстро, пока Людка не вздумала лишиться чувств, — а ты сбегай за шефом. Он к юристам ушел. Ну, скорей, скорей, шевелись!..

Когда требовалось, Варвара становилась очень решительной, гораздо более решительной, чем нынешним вечером под машиной вежливого Ивана Александровича.

Прибежал бледный шеф, за ним кто-то из юристов, и Варвару прогнали.

Потом начались неразбериха и паника, канитель со «Скорой», в приемной толклись любопытные — еще бы, такое неожиданное «счастье»: среди бела дня в офисе труп! Тут не один день, неделю никто работать не будет! Высокая дверь открывалась и закрывалась.

Когда открывалась, Варвара в волнении поднима-

лась на цыпочки и хватала за плечи и толкала таких же любопытных, пытаясь рассмотреть, что такое там происходит, на месте событий, а когда закрывалась, все поворачивались к Варваре, придвигались к ее столу и смотрели на нее умоляюще, а она делала строгое и немного печальное — «подобающее» — лицо и многозначительно помалкивала, зато Людка в коридоре в сотый раз повторяла, как она курила с Варварой, а потом что-то грохнуло, и они бросились в кабинет, хотя они вовсе не бросались, а он лежит, а рядом монитор, а он... никакой. То есть совсем мертвый. Окончательно и бесповоротно...

Варвара посмотрела в свою кружку — чая не было. Когда успела выпить? И удовольствия не получила, и вкуса не заметила — а все из-за внезапной кончины Петра Борисовича!

И самое, самое главное, от чего становилось холодно в спине.

Варвара была уверена — Петра Борисовича Лиго убили, и «спазм сосудов головного мозга», сведения о котором моментально просочились в коллектив от приехавших на «Скорой» мрачного вида громил, не имеет к его смерти никакого отношения.

— Ты просто начиталась детективов, дорогая, — сама себе сказала Варвара. Просто так сказала, чтобы послушать, как это прозвучит. Прозвучало неубедительно.

«Фантазерка, — говорила про нее бабушка Настя с неодобрением, — вечно в облаках витает! Что за девка! Беда с ней».

Впрочем, Варвара не знала никого, о ком бабушка отзывалась бы с одобрением. Варвара была «фантазерка», отец «куркуль», мама «заноза», соседка «Кабануха», ее сын «бандит», хотя розовый, очкастый, толстый Димка на бандита тянул так же, как сама Варвара на «Мисс Вселенную».

Димка ухаживал за ней когда-то, и его неловкое сопение и влажные пальцы, которыми он стискивал

Варварину ладошку, были самыми романтичными воспоминаниями в ее жизни.

Ну и ладно. Ну и наплевать. Подумаешь.

Или вот Татьяна, лучшая подруга. Вышла замуж в двадцать лет и — ясное дело — по безумной любви. Некоторое время любовь продолжала быть безумной, потом стала обыкновенной, потом не стало никакой. Осталась только морока с опостылевшим, никуда не годным мужиком, который, как назло, за это время стал «своим и родным», и бросить его на произвол судьбы у добросердечной подруги не хватало совести. Сидел он на шее у нее и родителей, очень удобно сидел, свесив ножки и помахивая кнутиком, ничего не делал, ни о чем не заботился, не печалился ни о чем — почти десять лет. Татьяна превратилась в пожилую бабищу пятьдесят восьмого размера — Варвара сочувствовала ей с некоторым жалостливым женским выскомерием, ибо сама носила всего только пятьдесят четвертый, — стала раздражительной, визгливой, волосы накручивала на бигуди, короткие ногти красила ярко-алым лаком, ссорилась с родителями и обожала сына Ваську, который от мамашиного обожания совсем одичал и перестал правильно соотносить себя с окружающим миром.

Вот вам и романтическое чувство, уважаемая Варвара Андреевна. Такого хотите? Вы-то посиживаете себе в кресле в любимом халате, чаек потягиваете, думаете о высоком, жалеете свои пятьсот рублей, а Танька небось одной рукой картошку жарит, другой пол метет, одним глазом уроки проверяет, другим кучу белья окидывает — когда гладить, уже сегодня или еще до завтра полежит.

Хорошо хоть «родного» в прошлом году она все же выставила вон — как в комедии. Пришла под Новый год домой пораньше, три сумочки принесла, с индейкой, мандаринами и подарками, а «родной» посреди комнаты в одних трусах мечется, а барышня на

балконе без лифчика — и метель, метель, и барышни-но барахлишко неубедительной кучкой!..

Танька как принялась хохотать, так и хохотала до самого суда, и в суде хохотала, и судья вместе с ней. Развели их за пять минут.

«Пять минут, пять минут, бой часов раздастся вскоре...» И что-то там такое про ссору.

Девять лет непрерывного ежедневного изматывающего счастья — у Татьяны невралгия и зарождающаяся язва желудка, у бывшего «родного» пивное пузо, одышка и «сердечко шалит», Васька среди ночи просыпается и плачет, боится, что родители начнут орать друг на друга, — а потом пять минут, и жизнь «с чистого листа», как говорили раньше в телепередачах про писателей.

Нет, уважаемая Варвара Андреевна, вы спасибо скажите ангелу-хранителю вашему, что вас все это миновало. Немножко жалко, конечно, что никогда и ни в кого не была влюблена, и что сына нет — уж она, Варвара, ни за что не допустила бы, чтобы он ревел по ночам! — и сердце ни от чего не замирает, и давешний нахальный водитель подумал, что она бабка, а ей до тридцати еще целый год, полтора даже!

А Петра Борисовича со странной фамилией Лиго все-таки убили. Варвара была уверена, что его убили, как только шеф вышел за дверь кабинета. Кто-то следил за ними, пока они разговаривали, и как только шеф вышел, прикончил Петра Борисовича.

Зачем? Кто он такой, этот Петр Борисович? Что за дела у них с шефом? Почему он никогда не сидел в приемной, проходил, ни на кого не глядя, и с шефом говорил как будто немного свысока, как если бы шеф был жокеем, а Петр Борисович — владельцем породистого рысака?

«Ты можешь думать о себе все, что угодно, но лошадь все равно моя», — примерно так выглядел Петр Борисович, когда говорил с шефом. Впрочем, говорил в основном шеф, а Лиго слушал.

И сегодня его убили. До смерти, как выразилась впечатлительная Люда Галкина.

Варвара протяжно вздохнула, стряхнула с отворотов халата вчерашние сухарные крошки, застрявшие в махровых остатках звезд и облаков, и зашлепала на кухню, ставить чайник. Жалко, что все сухари вчера же и кончились.

Она не станет жалеть о сухарях. Она и так толстая. Вика Горина небось не ест по вечерам сухари, да еще с изюмом, да еще с сахаром, и она, Варвара, не станет.

Сухаря, твердого, ванильного, пахнущего сдобой, с изюмом и крупными крупинками коричневого сахара, хотелось уже почти невыносимо.

Может, в булочную спуститься за кексиком или за мороженым? Сухарей у них все равно нет.

Она ни за что не пойдет! Вика Горина, к примеру...

Варвара выключила воду, на кухне вдруг стало пронзительно тихо, и оказалось, что заливается звонок у входной двери.

Ни с того ни с сего Варвара перепугалась и уронила чайник в раковину. Чайник загрохотал, вода широко плеснулась, залила линолеум и халат спереди, где облака и звезды были уж совсем ни на что не похожи.

Входная дверь вздрогнула, как будто в нее ломился кабан.

Ноги отнялись, и живот, на который пролилась вода, заledenел.

— Варвара!!! — протрубил из-за двери кабан. — Открывай давай!

Уф-ф, господи!..

Варвара перевела дух и потрусилась в прихожую, похожую на шкаф из гарнитура «Хельга».

— Хоть бы позвонила!.. — в сердцах выговорила она, распахивая дверь.

— Да чего звонить-то! — пропыхтела Татьяна, протискиваясь мимо. — Я и так знаю, что ты дома!

— Откуда?  
— От верблюда. Где тебе еще быть, если не дома?  
— Это точно, — вздохнула Варвара, подсовывая подруге тапки, — а ты почему не дома? Или все белье перегладила?

— Ничего я не гладила, — устало сказала Татьяна. В отставленной левой руке она держала ботинки, а правой взбивала на темени кудри, приплюснутые шапкой. — У меня неожиданно получились каникулы.

— Какие каникулы, разве у Васи...

— Васю родители увезли в дом отдыха под Солнечногорск. На четыре дня. Я теперь свободна и независима, как бывшая братская Украина. Я привезла сырокопченой колбаски и тортик.

— Какой еще тортик!..

— Маленький, — заискивающе проблеяла Татьяна, — ничего с нами не будет от маленького тортика! А? Ничего не будет?

Варвара не стала говорить каникулярной подруге, что Вика Горина наверняка не ест на ночь тортики, даже маленькие, не говоря уж о колбасе.

— Ботинки поставь под батарею, — распорядилась Варвара, — только постели что-нибудь, а то будет лужа.

— Не будет. Я их сейчас вымою. Кстати, бутылку я тоже принесла.

— Пить будем?

— И есть. Мы будем есть и пить. Ставь сковородку.

— Жарить нечего, — отозвалась Варвара, выуживая чайник из раковины, — была курица, но я ее уже съела.

— На твою курицу я и не рассчитывала, — решительно заявила Татьяна, появляясь на пороге кухни, — я купила отбивные.

— Маленькие? Как тортик? — уточнила Варвара.

— Здоровые. Ну и что? — проскулила она, преданно глядя на Варвару, — ну, раз уж у меня каникулы!.. Поесть-то можно! Господи, я в последний раз

спокойно ела на прошлый Новый год, да и то после четырех часов ночи, когда Ваську спать загнала и родители улеглись. Никто не руководил, не приставал, не поучал, не рыдал, не спрашивал, где суффикс, где окончание, а где числитель со знаменателем!..

— А картошка зачем? — спросила Варвара строго, глядя, как в раковину проворно летят коричневые очистки. Алые до нелепости ногти хищно сияли. — Картошка с мясом!.. Хуже только торт с маргариновыми розами!..

— Не хуже! Картошка с мясом хороша в своем роде, а торт с розами в своем. Или плоха.

— Плоха, — подтвердила Варвара. — Картошку варить или жарить?

— Варить. Мясо жарить. Картошку варить. И то и другое жарить — вредно. А ты чего в этом халате? Стряслось что-нибудь?

— Стряслось, — вздохнула Варвара, — а картошку давай все-таки пожарим! У нас на работе сегодня один придурок помер, и я чуть под машину не попала. Вернее, я попала, но... не очень.

— Как — не очень?! — возопила подруга, оставив «придурка» без внимания. — Как это можно попасть «не очень»?! Ты что, на красный переходила?! Или на зеленый?! Если на зеленый, то надо в суд подать, чтобы компенсацию выплатили! У тебя свидетели есть?

— Тань, ну что ты говоришь?! Какой суд, какие свидетели?! Хорошо, что с миром отпустили, да еще до дому довели и с меня никакой компенсации не потребовали! Машина такая... солидная была. Большая. И хозяин... солидный.

Почему-то неожиданно и слишком ясно вспомнились серые глаза, темные из-за очень густых и коротких прямых ресниц, большие руки, и еще голос, и уютный автомобильный свет, и то, как она потом ковырялась на дорожке, размахивая сумкой.

Фу, как ужасно!..

— И из сумки все украли, — продолжила Варвара с тоской, — пока я поднялась, отряхнула пальто...

— Как — все?! — ахнула Татьяна. Она ахала и ужасалась, но про картошку с мясом не забывала ни на секунду — посолила, помешала, а теперь внимательно и с удовольствием принималась. — Денег сколько было?

— Пятьсот рублей. И паспорт еще!.. Теперь придется в милицию тащиться, и в фотографию, и в домоуправление, и еще небось в сберкассе платить, а там очереди! Я только две недели назад заграничный паспорт оформляла, думала, что мне конец придет. Оказывается, в нашей стране победившего капитализма все повально едут за границу. Ты что-нибудь об этом слыхала?

— Нет, — призналась Таня.

— Я тоже не слыхала. А тут ко мне в международном отделе пристали — оформляй да оформляй паспорт. Мы компания современная, у всех наших сотрудников непременно должны быть паспорта!.. Вдруг шефу взбредет в голову меня на стажировку отправить в Лондон или в Нью-Йорк!

— А он... моет... опраить? — спросила Таня с набитым ртом.

— Нет! Но это неважно. Важно, чтобы у международных в компьютере были данные — Варвара Лаптева, секретарь, паспорт номер такой-то. Тань, я с этим паспортом валандалась три недели. И теперь что — заново начинать, следующий оформлять?! — Тут Варвара совершенно неожиданно для себя заревела.

Вроде и не собиралась, и все как-то отступило и улеглось, и халат она надела, и курицу съела, и почти позабыла о том, как нахальный водитель весело называл ее бабкой, — и заревела!

Ревела она долго, со вкусом, подвывала и всхлипывала. Таня косилась на нее, подцепляла со сковороды лепестки картошки, молча жевала и ни о чем не спрашивала.

Как хорошо, что есть подруги, которые знают, когда можно спрашивать, а когда лучше жевать картошку и молчать. Раз есть такие подруги, и жареная картошка, и мясо, и торт — значит, наплевать на Ивана Александровича и его машину и на его болтуна-шофера, вот только денег жалко и паспорт...

— Хватит рыдать, — приказала Таня, и Варвара послушно утерлась рукавом халата, — сейчас все пережарится, и получится гадость. Давай лучше есть.

— Я решила худеть, — объявила Варвара за чаем с ломтем «тортика». Некстати пришедшую на ум Вику Горину она прогнала.

— По Монтиньяку хорошо, — подсказала Таня. — У нас в бухгалтерии одна девица на пятнадцать килограмм похудела. Только картошку нельзя и белый хлеб, а все остальное можно, даже шоколад.

— Свежо предание, — вздохнула Варвара и водрузила на свою тарелку еще один ломоть торта, — по моему, на пятнадцать килограмм можно похудеть, только если кардинально изменить образ жизни.

— Как?

— Так. К примеру, страшно разбогатеть и перейти на устрицы и креветки. И есть их до конца жизни. В теннис начать играть. Знаешь, как это шикарно — сегодня с утра у меня теннис и сауна, позвони мне после обеда, когда я уже буду пить свой чай из трав и заедать его булочкой из неочищенных злаков...

— У меня каждый день с утра теннис, сауна и неочищенные злаки, — буркнула Таня. — Сначала сауна с Васькой, а потом теннис с родителями. Иногда наоборот бывает. В смысле сначала теннис, а потом сауна. Слушай, Лаптева, давай лучше еще выпьем. За нас, умниц и красавиц. Мы же с тобой умницы и красавицы. А, Лаптева?

— Только почему-то никто этого не замечает, — пробормотала Варвара, — хоть топись. Шеф три месяца назад обещал повесить, в помощники перевести, а вместо этого...

— Что?

— Групп, — внезапно выпалила Варвара, вспомнив, что так и не рассказала подруге самую важную новость. — Слушай, Танька, у нас сегодня в офисе одного мужика прикончили!

— Как... прикончили? — спросила Танька и взялась пухлой ручкой за собственный рельефный бюст — с той стороны, где положено быть сердцу. Глаза у нее засверкали. — Как в фильме «Улицы разбитых фонарей», да? Ты сидишь за столом, и тут врываются четверо в масках, и кидают всех на пол, и убивают твоего шефа, а ты вызываешь милицию и становишься врагом мафии...

— А потом на тебе женится милицейский майор, — закончила за подругу Варвара. — И не мечтай даже. Никто не врывался и на пол не кидал. Прости.

— Да ну тебя.

— Правда, Тань. Конечно, все было так, как будто он сам по себе умер, а я думаю, что его убили.

Таня отняла руку от груди, подперла подбородок и посмотрела на нее с настороженным интересом. Мелко завитые кудри на голове вздрогнули и тоже вроде как нацелились на Варвару.

Лет восемь назад во время какого-то семейного праздника из плоской хрустальной вазы, водруженной в центр низкого серванта, пропали бриллиантовые серьги Таниной свекрови. Серьги были старинные, единственные уцелевшие от некогда громадного наследства, которое оставила своим детям свекровина то ли пра-, то ли прапрабабка. Свекровь убивалась и рыдала. Свекор бегал со склянкой в руке, и от него на весь дом несло валокордином. Танин муж, тогда еще горячо и безумно любимый, прятался за Таню, гости настороженно переговаривались, уверенные, что «продолжение банкета» не сулит им ничего хорошего, — свекровь кричала, что положила серьги в вазу пять минут назад, потому что у нее «уши отваливаются».

Серьги были тяжелыми, и бриллиантов в них было много.

Варвара серьги нашла.

Как в детективном кино, она задала каждому из присутствующих по одному вопросу и внимательно выслушала ответы. Кое-что даже записала. Потом подумала и произнесла короткую речь.

— Я знаю, кто взял из вазы серьги Марины Ильиничны, — сказала Варвара, и над столом повисла и стала быстро растекаться по углам тишина, — и я знаю, как это доказать. Обещаю, что никому не скажу, кто это сделал, если серьги вернутся на место. Если нет, я объясню Марине Ильиничне и Виктору Ивановичу, как все было, и тогда уж они поступят на свое усмотрение. Думаю, что это будет справедливо. Значит, так. Виктор Иванович, погасите свет в коридоре и закройте дверь. Хорошо. Теперь я гашу люстру и начинаю считать до тридцати. Когда я зажгу свет, серьги должны лежать на тарелке из-под яблок. Таня, вытащи из тарелки яблоки. Раз, два, три!..

Свет погас, стало темно, как в погребе во время полярной ночи, а когда через несколько секунд свет вспыхнул снова, на тарелке красовались прабабушкины серьги. Красовались, сверкали и подмигивали всеми своими многочисленными бриллиантами еще нахальнее, чем обычно.

Сколько потом Таня ни приставала, Варвара так и не выдала, кто их тогда утащил. Свекрови тоже было страсть как любопытно, она Варвару и задабривала, и подлизывалась к ней, и пироги пекла, и торт «Прага», и вареники с вишней лепила, а ведь каждому известно, что нет ничего хуже, чем налепить на всю семью вареников с вишней.

Варвара ни на какие задабривания и уговоры не поддавалась, не помогли и вареники с вишней.

С тех самых пор раз и навсегда Таня уверовала в то, что Варвара и есть прямая наследница Шерлока Холмса по женской линии.

— Ну Лаптева-а, — ныла она в телефон после очередной серии знаменитого детектива, закончившейся, как водится, на самом интересном месте, — ну скажи, что там дальше? Кто, по-твоему, пристукнул эту дуру? Муж? Или, наоборот, тот, который ее шантажировал? Или это сестра? Или она не сестра?

Из-за этих приставаний они даже ссорились иногда.

— Я не пишу сценарии, — орала Варвара, — я не знаю, сестра она или не сестра! И вообще я не смотрю телевизор! Он меня раздражает!

Таня была уверена, что Варвара кокетничает и набивает себе цену.

— Ну и что? — Таня налила в рюмки еще «по глоточку». На дне бутылки болталась какая-то совсем невразумительная порция, и Таня решительно долила в каждую рюмку, а бутылку сунула в мусорное ведро. — Кто его убил? Киллер? Снайпер?

— Не киллер и не снайпер. Огнестрельных ран на нем не было, это точно. Я к нему самая первая подошла, — сказала Варвара с некоторой гордостью, — загрохотало что-то ужасно, я вошла в кабинет, а он... на полу лежит. Мертвый.

— А шеф? — ужасным шепотом поинтересовалась Таня и отхлебнула из рюмки. Для укрепления расшатавшихся нервов.

— Да шеф в это время в юридическую службу ушел, — с досадой объяснила Варвара, — ему позвонили, и он... ушел.

— Так, может, этот, который труп, от сердца умер или еще от каких-нибудь... пороков развития? — обиженно предположила Таня. — Я-то думала, из него кровь рекой текла, а у вас в офисе полдня стреляли, и теперь будет ремонт, потому что все стены в дырках от пуль!..

— Никаких дырок от пуль, а мужика все-таки убили! Вообще все было странно. С самого начала. Почему-то его шеф принимал. Сразу, представляешь?

Как только я докладываю, шеф сразу выходит и провожает его в кабинет. Чуть не под ручку ведет. Он *сразу* никого не принимает. Никогда.

— Так если в нем дырок нет, почему ты думаешь, что его убили?!

Варвара понюхала свою рюмку, сморщилась, залпом выпила оставшуюся водку и подышала открытым ртом.

— Гадость какая, — выговорила она с отвращением, — и зачем мы ее пьем! Поставь еще раз чайник, Тань.

— Почему ты думаешь, что его убили?

— Окно, — задумчиво произнесла Варвара и сунула нос за воротник халата, в развал теплой ветхой ткани, — окно было открыто. И монитор. Все дело в этом проклятом мониторе.

— Его убили монитором?

— Что за чушь, — сказала Варвара рассеянно, — конечно, нет.

Носу было тепло, и внутри халата приятно пахло чистотой и кухней. Варваре немедленно захотелось спать.

Сначала нужно пристроить Таню, помыть посуду, посушить пальто феном, а потом пропылесосить его или, может, веником пройтись?..

— Тогда, значит, он выпал в окно?

— Кто?!

— Ну этот твой покойник. Чай заварим или уже кофе?

— Не выпадал он в окно!

— Ты же сама говоришь.

— Я говорю, что окно было открыто.

— И он выпал?

Варвара потрясла головой.

Выпитая водка плескалась внутри. Глаза жгло. В горле сохло. Утром будет еще хуже, хотя напиться Варваре из-за ее габаритов было непросто. Чтобы на-

питься, да еще вдвоем с Таней, одной бутылки совсем недостаточно.

— Кто открыл окно? Зачем? Когда? Я заходила в кабинет два раза. В первый раз принесла кофе и потом еще раз принесла. Окно было закрыто. Его вообще открыть сложно, надо на подоконник становиться. Или на стул. Если его открыл шеф, выходит, он на стул лез?! Или на подоконник?! Ерунда, не может быть. Кроме того, у него насморк.

— У кого? — спросила Таня и зевнула. — У покойника?

Ее интерес к «детективной истории» иссяк, как только выяснилось, что четверо в масках не укладывали Варвару лицом в ковер, и вообще все было не так, как в фильме «Улицы разбитых фонарей».

— У шефа насморк. Он даже дверь из приемной в коридор не разрешает открывать. Говорит, что его продует.

— Так, может, окно открыл тот, который труп? То есть который впоследствии стал трупом. А?

— Зачем?

— Чтоб проветрить.

— Таня, — сказала Варвара терпеливо и потеряла глаза, которые изнутри щипала выпитая водка, — этого не может быть. Посетитель в чужом кабинете влезает на стул или подоконник и открывает окно, чтобы проветрить!.. Этого не может быть.

— Ну пусть не может, — согласилась покладистая Таня, — а монитор при чем?

— Когда я вошла, труп лежал на полу. Рядом с ним валялся монитор и клавиатура. Все очень естественно. Как будто человек сидел за компьютером, работал себе спокойно, а потом вдруг — раз! С сердцем плохо стало! Только монитор не работал.

— Ну и что? — не поняла Таня. — Правильно, что не работал. Он же на пол упал. Упал и разбился, наверное.

— Ничего он не разбился. То есть, конечно, мо-

жет, он и разбился, но я знаю, что он не работал еще до того, как упал.

— Почему?

— Потому что он в сеть не был включен, вот почему. Вообще компьютер не работал, понимаешь? У нас уборщица очень активная. Когда пылесосит, все шнуры из розеток выдергивает. Всегда. Я посмотрела — вилка на ковре валялась, рядом с розеткой.

— Может, она сама как-то выдернулась, когда он упал? Упал, потянул за собой монитор, а монитор потянул...

— Вот именно, — заявила Варвара, — сообразила, да? Монитор подключен к системному блоку, а уж системный блок к розетке. Блок на месте, только чуть-чуть сдвинут, а запас шнура, наверное, около метра. То есть блок можно на метр отнести в любую сторону, шнура хватит. Вилка лежит рядом с розеткой, именно так, как вчера ее выдернула уборщица. Выходит, Петр Борисович работал на выключенном компьютере.

Таня моргнула, а Варвара продолжала с воодушевлением:

— И шеф знал, что компьютер выключен! Он на уборщицу всегда громче всех орет и, когда на работу приходит, первым делом все розетки проверяет. Ему позвонили из юридической службы, он вышел в приемную, сказал мне, что посетитель что-то пишет на компьютере, а он «отойдет на минутку к юристам». Зачем он сказал мне про компьютер и про юристов? Он мог мне ничего не объяснять! Да он никогда и ничего мне не объясняет! А он сказал. Зачем?

— Зачем? — повторила Таня.

— Не знаю.

— Может, он и убил? Стукнул по голове — и сразу наповал.

— Нет.

— Почему? — спросила Таня и зевнула.

Варвара мельком глянула на часы — полвторого, а еще пальто пылесосить!